

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Ю.В. Ларин

ГРЁЗЫ ПО КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В контексте поляризации современного научного дискурса относительно оценки исторической роли и перспектив культуры рассматривается проблематика, связанная с экспликацией сущности и значения культураноцентризма. На основе критического анализа существующих точек зрения формулируется идея, что в масштабе глобально-исторической траектории человечества, – Синкретизм Первобытности – Космоцентризм Античности – Теоцентризм Средневековья – Антропоцентризм Возрождения – Натураноцентризм Нового времени – Социоцентризм Новейшего времени – Культурноцентризм Постновейшего времени, – последний может быть понят как вполне закономерно вызревающая в этом ряду эпоха позиционирования культуры в качестве конституирующего центра мировоззренческой системы «человек – мир». Исходя из представления о структурно-функциональной гомологичности «жестких ядер» донные состоявшиеся «центризм», предпринята попытка моделирования атрибутивного содержания культураноцентристских императивов в онтологической, методологической антропологической, экзистенциальной, практической, аксиологической, гносеологической, эпистемологической и культурологической проекциях. Не исключено, что в переживаемые ныне времена «история влечёт культуру», как раз туда, куда сама она «влечётся» культурой, а, следовательно, каждый из нас, независимо от степени и формы осознания, – уже, быть может, участник, а то и творец крайне сложных и противоречивых явлений и процессов, объективно разворачивающихся в пространстве именно этого аттрактора. Делается вывод, что смысловой контекст данной проблематики включает в себе значительный не только научный, но и практически-жизненный интерес, а сама она заслуживает серьёзной концептуальной проработки.

Ключевые слова: культура, культураноцентризм, аттрактор, исторический опыт, мировоззрение, экспликация, императив, проекции, человечество, перспективы культуры.

Abstract. In the context of polarization of the modern scientific discourse with regards to the assessment of the historical roles and prospects of culture, this article examines the problematics related to the explication of essence and meaning of culturocentrism. Based on the critical analysis of the existing points of view, an idea is formed that in the scale of the global-historical trajectory of humanity – Syncretism of Primordiality – Cosmocentrism of Antiquity – Theocentrism of Medieval Times – Anthropocentrism of Renaissance – Naturocentrism of New Time – Sociocentrism Modern Time – Culturocentrism of Postmodern Time –, the latter can be understood as a quite regularly maturing in this list era of the positioning of culture as a constituting center of the belief system “human-world”. Based on the idea about the structural-functional homology of “rough cores” of the established “centrism”, the author makes an attempt to model the attributive content of the culturocentric imperatives in ontological, methodological, anthropological, existential, practical, axiological, gnoseological, epistemological, and culturological projections. It is possible that at the present time, “history draws culture” towards where it itself “is being drawn” by culture; thus, each of us unaffected by the level and form of understanding, can be a participant or a creators of the extremely complicated and contradictory phenomena and processes that objectively take place within the space of namely this attractor. The conclusion is made that the conceptual context of the discussed problematics includes a significant scientific, as well as practically life interest; and the problematics itself requires a serious conceptual study.

Key words: Prospects of culture, Humanity, Projections, Imperative, Explication, Worldview, Historical experience, Attractor, Culturocentrism, Culture.

В работе «Наука о культуре» Л.А. Уайт сформулировал весьма странное, мягко говоря, для середины прошлого столетия умозаключение, что «открытие» культуры когда-нибудь встанет в истории науки в один ряд с гелиоцентрической теорией Коперника» [1, с. 147]. Что это – плод цеховой амбициозности «крестного

отца» культурологии как науки или же прозрение поистине фундаментального масштаба? Насколько понятие культуры востребовано современным научным дискурсом в качестве центральной или исходной «точки отсчёта»? Чреват ли он сколько-нибудь своеобразным – культураноцентристским – «коперниканским переворотом»?

Спектр возможных оценок и мнений на этот счёт довольно насыщен и многообразен.

«...Репутация у культуры основательно подмочена, – весьма нелестно квалифицирует, например, П.А. Сапронов, – ... у неё нет надёжных оснований для претензий на ту роль, которую ей всё ещё приписывают. Сегодня идея культуры, как минимум, нуждается в существенном ограничении. Ориентация на культуру как высшую реальность (онтологическую, гносеологическую, ценностную), взгляд на бытие через призму культуры, мыслимую его субстанциональным измерением, – всему этому было отпущено немалое историческое время. Опять говорить о культуре как о первопринципе высшего онтологического, гносеологического, аксиологического достоинства означает, на мой взгляд, попытку выжимать из культуры те соки, которых в ней нет. Конечно, не о проклятиях культуры идёт речь, а необходимости отвести ей хотя и почётное, но не главное место в смысловых реалиях и приоритетах человечества» [2, с. 12].

Ещё более категоричен Э.Г. Абрамян, согласно которому в современных условиях глобального кризиса у человечества реально есть всего два пути: пессимистический – создание программы достойного ухода с планетарной арены, и оптимистический – создание стратегических программ выживания. Последнее, по его оценке, «возможно при массовом осознании человечеством существования другой, ещё не описанной, но уже существующей параллельно с культурой, очень мощной, атрибутивно присущей живому формы энергии». Освоение этой, по терминологии автора, «икс-энергии» позволит создать «грядущую технологию», с помощью которой человечество «будет снимать противоречия между относительной ограниченностью ресурсов биосферы и ростом энергетических потребностей общества», «сумеет управлять гравитацией и справляться со сверхсветовыми скоростями» и т.д., и т.п. Вместе с тем, насколько это можно понять, реализация предложенной «стратегической программы выживания» потребует от человечества преодоления «всего-то-навсего» двух препятствий: во-первых, – культуры, поскольку опосредуя отношение между человеком и окружающей средой, она тем самым стоит преградой на пути внедрения в жизнь людей «эволюционно перспективной идеи автотрофности», а, во-вторых, – нынешней природы человека как вида, отягощённой «определённым пределом осознаваемой мерности» и стоящей, опять-таки, преградой на пути реализации «его телепатических возможностей», связанных с «мышлением (обмене мыслями, а не словами), которое не требует знания словесного языка» [3].

Не внушают сколько-нибудь оптимизма и встречающиеся порой оценки эффективности мер, предпринимаемых по преодолению проблем и когнитивных диссонансов, порождаемых чудовищными проявлениями, так называемого, мультикультурализма с его весьма гремучей смесью этнической идентификации и либеральных ценностей [4]. Достаточно показателен и постмодернистский постулат о «конце», «закате» и даже «смерти» человека как субъекта, творца, «автора» современной культуры, под репрессивным воздействием этой самой культуры [5, с. 7-46].

С другой стороны, как в отечественной, так и в зарубежной литературе не менее явственны и отчетливы свидетельства и признаки культуроцентристских интенций – будь это провозвестие об «умирании» и «поглощении» социального «симулякрами третьего порядка» [6], или опасения относительно «имплозии» природной и социальной определённости человека [7], или констатация того обстоятельства, что «культура уже давно играет центральную роль в эволюции человека и не может быть маргинализирована» [8, с. 368], а сам феномен культуры «впервые может быть понят в его действительной всеобщности» [9, с. 261]. «Социалатрия Маркса в результате краха основанной на его учении утопии, – обосновывает В.П. Визгин потребность данного эпистемологического прорыва, – освобождает нас от прельщения социальностью. А сорвавшийся эксперимент с высшими ценностями Ницше освобождает нас от обожествления жизни, от безоговорочного поклонения её стихиям, от безоглядной витомании и биолатрии. В результате мы понимаем, что сфера смысла превосходит как социальность, так и витальность, как общество, так и жизнь. В результате освобождается автономное поле культуры, разума, смысла, без которого нет истории людей» [10, с. 57]. Наконец, П.С. Гуревич, определяя основные пути решения «жгучих современных проблем», прямо пишет о том, что они заключаются не в «бегстве от культуры» или «умалении» её роли, а как раз в максимальном задействовании её потенциала, в кардинальном переходе в их осмыслении от господствующих ныне превращённых форм различного рода «измов» к принципиально новой мировоззренческо-методологической позиции – позиции «культуроцентризма» [11, с. 42-43].

Такова, если отвлечься от деталей и нюансов, достаточно жёсткая поляризация современного научного дискурса в оценке исторической роли и перспектив культуры.

Возможны ли здесь сколько-нибудь действительно надёжные ориентиры, имея в виду, что

какой-либо менее значительный масштаб их процирирования, нежели протяжённость всей человеческой истории, «не представляется достаточным и научно корректным» [12, с. 28]?

Не секрет, что история и культура находились и находятся в довольно-таки не простых и не всегда идиллических отношениях [13], что, однако, вовсе не освобождает от ответственности за их своевременное осмысление. И если, как подразумевается, культуроцентризм и впрямь призван высветить некие новые горизонты и задать более глубинные основы бытия человека в мире, даже чисто по-житейски небезынтересно, а что же, собственно говоря, он собою представляет или может представлять?

Согласно статье В.Г. Федотовой в «Новой философской энциклопедии», культуроцентризм – это «трактовка культуры как наиболее значимого в теоретическом и методологическом плане феномена общества» [14]. Данный подход, нашедший своё отражение в столь, казалось бы, солидном и авторитетном издании, так и не стал, во всяком случае, пока ни единственным, ни общепризнанным. Так, по Н.О. Осиповой, в современной научно-исследовательской практике наиболее продуктивным представляется понимание культуроцентризма как «аспекта методологии современного гуманитарного знания» [15]. Если А.А. Сомкин склонен трактовать его как «основное направление формирования современной социогуманитарной парадигмы» [16], то в работах целого ряда авторов культуроцентризм представлен в качестве одного из частных, наряду с другими, методологических принципов изучения той или иной предметной области, – будь-то «развитие социума» [17], «формирование человеческой личности» [18], «социокультурный менеджмент» [19], «социальная легитимация» [20] и т.п.

Таков, очевидно далеко не исчерпывающий, перечень складывающихся подходов к постижению сущности и значения культуроцентризма. Уже сам факт их фиксации невольно ставит вполне закономерный вопрос об эвристической ценности каждого из них, о критериях предпочтения того или другого в качестве единственно истинного или более истинного по сравнению со всеми остальными. Имеется ли здесь сколько-нибудь корректное решение?

По-видимому, мировоззренческо-методологический потенциал каждого из данных, как, впрочем, и любого другого возможного здесь подхода, в конечном счёте, находится в прямой зависимости от полагаемой им меры онтологической валидности той самой реальности, которая им самим как

раз и «центрируется». Каково же, если это так, место культуры в системе бытия как такового? Каков в этой самой системе её статус?

В целом ряде исследований представлена весьма скептическая позиция относительно самой возможности какой-либо «онтологизации культуры». Согласно, скажем, Р. Линтону, «культура сама по себе неуловима и не может быть адекватно воспринята даже теми индивидами, которые участвуют в ней непосредственно». Аналогичной точки зрения придерживался и Ф. Боас. «Не вижу, – писал он, – необходимости считать культуру мистической субстанцией, которая существует вне общества и развивается по своим собственным законам». В наиболее резкой форме данная позиция была выражена М. Спиро, утверждавшим, что «культура не имеет онтологической реальности», что, в самом лучшем случае, «культура – это логическая конструкция, абстракция человеческого поведения, и в качестве таковой она существует лишь в сознании исследователя» [1, с. 31-32]. Среди отечественных специалистов аналогичные высказывания встречаются в работах Э.А. Орловой. «При использовании категорий и понятий, – пишет она, например, в её статье «Теория культуры как научная дисциплина», – проявляется свойственная отечественным культурологам-интеллектуалам склонность к онтологизации слова; этот феномен известен со времён средневекового реализма. Сегодня в международном научном лексиконе он называется реификацией и состоит в том, что категории воспринимаются как реально существующие не просто объекты, но скорее субъекты автономного действия. Соответственно, многие рассуждения приобретают фантастический, мифологический смысл. Категориям типа «общество», «культура», «человечество», «институт», «организация», «ценность», которые символически объединяют множество однородных и различных, но содержательных единиц и указывают на это множество, обозначают его, приписывается свойство самостоятельной деятельности. Более того, в качестве онтологических сущностей они провозглашаются «объективными», то есть независимыми от людей» [21, с. 179].

С другой стороны, здесь наблюдается и отнюдь не отягощённое тенетами номинализма или концептуализма множество самых что ни на есть разнообразных подходов и точек зрения.

Так, Дж. Фейблман, признавая реальность культуры, рассматривал её как «фрагмент», «часть» природы, как такой же её «эмпирический уровень, как и все другие». «Мы, – писал он в «Теории человеческой культуры», – категорически ут-

верждаем, что не существует таких наук, которые не были бы естественными науками, что социальные группы людей и их культуры являются логическим продолжением природной среды и, будучи частью природы, предполагают необходимость соответствующей естественной науки, которая бы их изучала и пыталась открыть управляющие ими законы» [1, с. 158]. Сходной позиции придерживается А.И. Пушкарь, утверждая, что «культура, прежде всего, – природный феномен хотя бы потому, что её творец – человек – биологическое создание» [22, с. 38]. Обращает на себя внимание в этой связи и «фантастическая идея» М.Г. Савина о «панспермии культурунов» как универсальном источнике культуры», вписывающая её, правда, в уже более грандиозный, нежели только земной, – космический, – масштаб измерения [23].

С точки зрения Э.С. Маркаряна, статусные параметры культуры могут быть поняты на основе деятельностной модели общества. Исходя того, что «общественная жизнь – это непрерывающийся процесс деятельности множества человеческих индивидов, которые, образуя различного рода объединения, группы и т.д., направляют свои кооперативные усилия на решение всевозможных социально значимых задач с помощью особой системы средств», в ней выделяются три важнейшие группы элементов: субъекты человеческой деятельности, сферы человеческой деятельности и специфические (надбиологические) средств человеческой деятельности. Первая «группа элементов» показывает, кто действует, вторая – на что направлена деятельность, третья – каким образом она осуществляется. Понятие культуры характеризует третью «группу элементов» общественной жизни. «Класс явлений культуры, – писал он, – это не что иное, как многообразная специфическая система средств, благодаря которой осуществляется коллективная и индивидуальная жизнь людей, стимулируется, мотивируется, программируется, исполняется, физически обеспечивается, социально воспроизводится их активность, организуются, функционируют и развиваются человеческие коллективы. Им присуща общая функция – служить специфическими, надбиологически выработанными средствами человеческой деятельности» [24, с. 25]. При этом имеется в виду, что культура не есть некая среди прочих «сфера» или «составная часть» общественной жизни. Поскольку «каждый из выделенных классов элементов предполагает наличие других и немислим без них в процессе функционирования и развития общественной жизни», «культура заполняет и насыщает собой всё социальное пространство, образуемое коопериру-

ванной человеческой деятельностью, оказывается как бы разлитой по всему телу социального организма и проникающей во все его поры» [24, с. 44]. В свою очередь, Д.А. Лалетин, определяя в общетеоретическом отношении «исходный пункт для подхода к существованию культуры», также пришёл к выводу, что последняя – «некоторый общеизвестный социальный феномен», уточнив, правда, что «культура является атрибутом не общества, а социума (или человека в философском, обобщенном смысле)» [25]. Не менее определенён в этом отношении и Х.Г. Тхагапсоев, полагающий, что «культура – лишь атрибут социальности (её аспект и элемент)» [26, с. 7].

Иной, в значительной мере антропологически ориентированный подход к проблеме статуса культуры представлен В.М. Межуевым, согласно которому, «мир культуры – это мир не объективных вещей и явлений (мир природы), а мир ценностей, смыслов, значений, целей, символов, в котором человек соприкасается с тем, что выходит за пределы его наличного бытия, отпущенного ему времени жизни. Иными словами, это мир человеческой свободы, позволяющей человеку в разных формах творчества и знания соприкасаться с вечностью» [27, с. 36].

Согласно А.Я. Флиеру, с позиции современной методологии и человек, и его культура предстают как «этап эволюции биоты». В этом свете, «стадию развития биологической жизни от её зарождения до начала антропогенеза» можно представить как «бифуркационный процесс видообразования (т.е. как хаотическое разделение живой материи на виды, подвиды и пр.), а стадию антропогенеза определить как фазовый переход, в ходе которого в одной из ветвей этого видового множества (у приматов) произошла наиболее значимая качественная трансформация нервной системы, появился разум. Обе эти стадии можно считать первым циклом развития жизни посредством формирования разных морфологических уровней её сложности» [28, с. 63]. Как «проявление новой модальности витальной активности», культура «родилась именно из социального поведения высших животных в процессе его эволюционной трансформации и наследует многие его параметры, в первую очередь практику осуществления жизни в коллективных формах, особую ценность поддержания этой коллективности и многие способы решения этой задачи» [29]. Будучи «синтезом как биологической, так и надбиологической составляющих», она представляет собою «особый человеческий способ поддержания коллективного характера популяционной жизнедеятельности», специфицированный

именно взаимной дополняемостью этих «сущностей», выступая тем самым, во-первых, «как свод принципов нормативного социального поведения, при котором она трактуется и интерпретируется как *социальная система*, непосредственно регулирующая социальные взаимодействия людей» и, во-вторых, «как продукт особой символической деятельности людей, при котором она трактуется как *образно-символическая система*, психологически обеспечивающая, стимулирующая, манифестирующая одобряемое социальное поведение и мировоззрение человека посредством демонстрации эталонных образцов в искусстве, религии, фольклоре, этнических ритуалах и пр.» [30, с. 33].

В работе В.Б. Александрова данная проблематика представлена как выявление и анализ основных способов существования культуры: во-первых, это «предметная среда, созданная предшествующими поколениями, “вторая природа”, которую находит человек, вступающий в общественную жизнь», во-вторых, – «образцы деятельности, которые получили закрепление в социальной практике и стали явно или неявно пониматься как выражающие основные условия человеческого существования», в-третьих, – «общение», в-четвертых, – «элементы общественного сознания», в-пятых, – «телесное бытие человека и связанные с ним, так называемые, телесные практики» [31, с. 194-203].

По мнению Т.С. Лапиной, «рассмотреть объект онтологически, значит, увязать его со сферой, типом, характером и состоянием сущего, выявить то, в какие универсальные процессы он вовлечён». Полагая, что «сущее делится на такие сферы, как природа, общество, духовность», констатируется, во-первых, что «культура немыслима вне общества и даже в относительном смысле не может быть от него обособлена», во-вторых, что «предметность, относящаяся к материальной культуре (техника, линии электропередачи и электростанции, другие производственные, а также жилые постройки, средства передвижения, возделанные людьми транспортные коммуникации, выведенные человеком породы животных и культивируемые людьми виды растений, лекарства, мебель и т.д.) является второприродной и подчиняется не только некоторым общественным, но и механическим, физическим, химическим и биологическим закономерностям», и, в-третьих, что, «кроме того, вся культура, помимо принадлежности её к общественной сфере, относится и к духовной сфере» [32, с. 67-68].

Более выверенный в своих философско-мировоззренческих основаниях подход был предложен Н.В. Мотрошиловой, согласно которой в структуре бытия как такового различаются:

«1) бытие вещей (тел), процессов, которое, в свою очередь, делится на бытие вещей, процессов, состояний природы, бытие природы как целого и бытие вещей и процессов, произведённых человеком;

2) бытие человека, которое подразделяется на бытие человека в мире вещей и специфически человеческое бытие;

3) бытие духовного (идеального), которое делится на индивидуализированное духовное и обьективированное (внеиндивидуальное) духовное;

4) бытие социального, которое делится на индивидуальное бытие (бытие отдельного человека в обществе и в процессе истории) и бытие общества».

Исходя из этого, «предметно-вещный мир культуры» трактуется как «вторая природа», как «комплексная (природно-духовно-социальная) реальность», как «относительно самостоятельное бытие, особая реальность и по отношению к первой природе, и по отношению к непосредственному, жизненно конкретному бытию людей» [33, с. 29-35].

Не трудно заметить, что проблематика, связанная с «онтологическим измерением» культуры, многообразна и далеко неоднозначна в своих решениях, что, собственно говоря, и находит, да и не может не находить своё отражение в экспликациях сущности и значения культуроцентризма, объясняя, в свою очередь, разнообразие и неоднозначность самих этих экспликаций. Вместе с тем, будучи интересной сама по себе и чрезвычайно значимой для решения тех или иных вопросов более специального характера, она, конечно же, нуждается в дальнейшей и очень серьёзной теоретической проработке.

В этой связи, видимо, более пристального внимания заслуживает тот методологический потенциал, который в своё время был заложен Р. Лоуи, Д. Бидни, Р. Редфилдом, Л.А. Уайтом, Л. Фробениусом и целым рядом других мыслителей. «Культура, – считал, например, Р. Редфилд, – ... развивается сама из себя». Согласно Р. Лоуи, она «есть вещь *sui generis* и может быть объяснена только в своих собственных терминах» [1, с. 32-33]. Л. Фробениус также полагал, что «культура растёт сама по себе», хотя и является «созданием человеческого духа» [34, с. 79]. Самостоятельность культуры как некой «экстрасоматической» реальности, которая должна быть понята из неё самой, «из своих собственных принципов и законов» [1, с. 440], отстаивал и обосновывал Л.А. Уайт. В этом же ракурсе могут быть отмечены и размышления и Ю.М. Лотмана с его стремлением постичь культуру как «субъект и саму-себе объект» [35, с. 639].

Пока же наиболее проработанное решение данной проблемы представлено в трудах М.С. Кагана, который со всей определённой считал возможным выделять в системе бытия как такового четыре его «основные формы»: природу, общество, человека и культуру. Размышляя о культуре, писал он, «мы имеем тут дело не с каким-то частным явлением», «культура по масштабу своему оказывается сопоставимой и с человеком, и с обществом, и с природой – основными формами бытия» [36, с. 36-47]. Более того, согласно ему, культура, – это «сверхсложная, развивающаяся и саморегулирующаяся система», причём, само её развитие есть её «саморазвитие, т.е. процесс, детерминированный изнутри, а не извне» [36, с. 319-321]. В таком понимании культура уже не сводится ни к «части» или «фрагменту» природы, ни «к физическим условиям существования человека», ни к «сфере», «форме», «модусу», «атрибуту», «аспекту», «элементу», «стороне» и т.п. общества, ни к «внутреннему миру человека», ни к его «духовности», но доводится до понимания как равномошной и вполне равноправной реальности в системе «основных форм» бытия как такового.

Примечательно, кроме всего прочего, что до сих пор ни одну из этих форм отнюдь не миновала участь быть в своё время «центрирующей» ту или иную мировоззренческую эпоху человеческой истории, и вряд ли отыщутся сколько-нибудь серьёзные основания полагать, что лишь только и именно культуре по какой-то такой причине или какому-то такому счастливому стечению обстоятельств суждено избежать данной участи.

В этом свете, как представляется, уже более или менее явственно проступает и реальный лик искомого решения рассматриваемой проблемы.

Ничуть не нарушая допустимой меры научной строгости, культуроцентризм, взятый в масштабе глобально-исторической траектории человечества, – Синкретизм Первобытности – Космоцентризм Античности – Теоцентризм Средневековья – Антропоцентризм Возрождения – Натуроцентризм Нового времени – Социоцентризм Новейшего времени – Культуроцентризм Постновейшего времени, – может быть понят как, – пусть даже, если и не закономерная, так сказать, с «железной необходимостью», то, как минимум, вполне правомерная в этом ряду, – эпоха конституирования в качестве центра, средоточия, квинтэссенции системы «человек – мир» теперь уже культуры и именно культуры.

Сколь вроде бы маловероятным не казалось данное представление, даже самое обострённое внимание к облекающему его смысловому кон-

тексту вряд ли будет справедливым оценивать как чрезмерное.

Не приходится сомневаться, что действительное развёртывание таящегося в недрах культуроцентризма креативного потенциала не может быть мыслимо без повседневного воплощения и воспроизводства некоторой совокупности соответствующих ему мировоззренческо-методологических императивов [37]. Каковы они? Возможно ли уже сейчас хотя бы самое первое приближение к их фиксации? Как и на каком основании?

Похоже, что единственно надёжным стратегическим ресурсом, да и то только в его максимально реалистической интерпретации [38], здесь является лишь приобретённый исторический опыт. Исходя из более или менее ярко и зримо выраженной структурно-функциональной гомологичности «жёстких ядер» донныне состоявшихся «центризмов», идентичным образом могут быть смоделированы и искомые императивы культуроцентризма:

- в онтологической проекции: позиционирование культуры в качестве реальности, как минимум, равномошной и природе, и обществу, опосредствующей все без исключения отношения человека и к тому, и к другому, и обладающей способностью к самовоспроизводству, самоорганизации и саморазвитию;
- в методологической проекции: принятие культуры в качестве отправного, исходного пункта построения картины мира, его познания, оценки и преобразования;
- в антропологической проекции: представление человека в качестве результата и одновременно предпосылки культуры, её творца и её творения, причём не только как социального, но и как просто живого существа;
- в экзистенциальной проекции: восприятие культуры как смыслообразующей основы собственно человеческого бытия человека;
- в практической проекции: полагание культуры в качестве предпосылки, цели, средства, содержания и результата человеческой деятельности;
- в аксиологической проекции: ориентация на культуру как краеугольную ценность;
- в гносеологической проекции: рассмотрение культуры как детерминирующего фактора возникновения, функционирования и развития системы «субъект – объект»;
- в эпистемологической проекции: придание культуре статуса предельно объяснительного понятия при описании и экспликации содержательного наполнения системы «объект – знание»;

- в культурологической проекции: изучение культуры в её собственной определённости как сверхсложного, многоуровневого, разнообразного, заведомо неоднозначного, принципиально открытого, многовариантного, протекающего не без того, что в синергетике принято называть «режимами с обострением» [39; 40], внутренне противоречивого процесса; объяснение её явлений и закономерностей исходя из неё самой, из её сущности.
- Конечно же, содержательное наполнение культуроцентризма как, возможно, уже подспудно вызревающей исторически новой мировоззренческой эпохи пока ещё не может быть достигнуто во всей своей глубине и конкретности, однако и вместе с тем, абсолютно не исключено, что в переживаемые ныне времена «история влечёт культуру», как раз туда, куда сама она «влечётся» культурой, а, следовательно, каждый из нас, независимо от степени и формы осознания, – уже, быть может, участник, а то и творец крайне сложных и противоречивых явлений и процессов, объективно разворачивающихся в пространстве грёз именно этого аттрактора.

Список литературы:

1. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.
2. Сапронов П.А. Культурология: курс лекций по теории и истории культуры. СПб.: СОЮЗ, 1998. 560 с.
3. Абрамян Э.Г. Культурология и проблемы выживания // Философские науки. 2000. № 4. С. 53-57.
4. Алиева О.Г. Политика мультикультурализма и вызов национальной самобытности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 61-67.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. М.: Кастанья, 1996. 448 с.
6. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 96 с.
7. Бертильссон М. Второе рождение природы: последствия для категории социальное // Социс. 2002. № 9. С. 118-128.
8. Ричерсон П., Бойд Р. Культура – часть биологии человека: почему понятие суперорганического сослужило плохую службу наукам о человеке // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 344-373.
9. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
10. Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: Coda, 1996. С. 39-59.
11. Гуревич П.С. Культурология: учебное пособие. М.: Знание, 1996. 288 с.
12. Костина А.В., Флиер А.Я. Куда история влечёт культуру? (От «общества концертирующих» к «обществу репетирующих») // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. Т. 20. № 4. С. 27-37.
13. Полищук В.И. История и культура в философии культуры // Философия и культура. 2014. № 5. С. 754-759. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11856.
14. Федотова В.Г. Культуроцентризм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Научно-ред. совет: предс. В.С. Стёпин, зам. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. Т. 2. М.: Мысль, 2001. 634 с. URL: <http://library.plankion.kz/index.php?Itemid=40&func=fileinfo&id=999&option=comrepositoriy> (дата обращения: 06.01.2016).
15. Осипова Н.О. Культуроцентризм как аспект методологии современного гуманитарного знания // Высшее образование для XXI века: V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г.: доклады и материалы. Секция 9. Высшее культурологическое образование. Часть II / Отв. ред. А.В. Костина. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 19-23.
16. Сомкин А.А. Культуроцентризм как основное направление формирования современной социогуманитарной парадигмы // Материалы II Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном обществе». Саранск, 26.09.-31.10.2011 г. (Язык. Культура. Общество. Вып. 3. 2011.) URL: <http://yazik.info/2011-21.php> (дата обращения: 20.01.2016).
17. Семерник С.З. Культуроцентризм как антитеза эконоцентричному развитию социума // Социокультурная динамика глобальных процессов: Научные труды кафедры глобалистики и геополитики (к 25-летию). СПб.: [Б. и.], 2014. С. 49-57.
18. Артановский С.Н. Культура для человека или человек для культуры? Критика концепции культуроцентризма // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2004. № 1. С. 165-166.
19. Морозова О.Ф. Культуроцентризм в управлении культурными процессами // Психология и управление культурными коммуникациями. 2014. № 1. С. 140-144.
20. Сладкова А.А. Альтернатива деонтологизма и культуроцентризма в истолковании социальной легитимации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 212-216.
21. Орлова Э.А. Теория культуры как научная дисциплина // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Вып. 4(6). С. 178-196.
22. Пушкарь А.И. Культура как самовыражение человека в мире // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы I Международной научной конференции (Нижегородск, 17-18 декабря 2003 г.) / Отв. ред. В.И. Полищук. Нижегородск: Нижегород. гос. пед. ин-т, 2003. С. 37-41.

23. Савин М.Г. Культурон – космический носитель культуры // Человек. 2002. № 5. С. 165-172.
24. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1983. 284 с.
25. Лалетин Д.А. Постижительно-деятельностный подход в познании культуры // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 19-27.
26. Тхагапсоев Х.Г. К проблемам и перспективам развития российской культурологии // Вопросы культурологии. 2012. № 8. С. 6-13.
27. Культурология vs философия культуры (беседа А.С. Нилогова с В.М. Межуевым) // Вопросы культурологии. 2015. № 4. С. 34-38.
28. Флиер А.Я. Понимание истории в контексте культуры // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 58-67.
29. Флиер А.Я. Общество как культурная система // Культура культуры. 2015. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/society-as-a-cultural-system/> (дата обращения: 25.01.2016).
30. Флиер А.Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 4(40). С. 33-39.
31. Александров В.Б. Формы существования и природа культуры // Управленческое консультирование. 2010. № 2(38). С. 191-221.
32. Лапина Т.С. Философия культуры: вариант понимания. М.: Профобразование, 2003. 255 с.
33. Мотрошилова Н.В. Бытие // Введение в философию: учеб. для вузов / И.Т. Фролов и др. М.: Политиздат, 1989. Ч. 2. С. 14-48.
34. Фробениус Л. Детство человечества: Первобытная культура аборигенов Африки и Америки / Пер. с нем. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 368 с.
35. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
36. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
37. Яркова Е.Н., Ларин Ю.В., Павлов А.В. Эпистемология культуры как направление исследований // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. С. 91-99.
38. Яркова Е.Н. Исторический опыт как социокультурный институт // Философия и общество. 2014. № 3. С. 67-78.
39. Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пути истории и образы будущего человечества: синергетика глобальных процессов в истории. Часть 1 // Философия и культура. 2008. № 10. С. 28-49.
40. Князева Е.Н., Куркина Е.С. Пути истории и образы будущего человечества: синергетика глобальных процессов в истории. Часть 2. Окончание // Философия и культура. 2008. № 11. С. 31-50.

References (transliterated):

1. Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1. Interpretatsii kul'tury. SPb.: Universitetskaya kniga, 1997. 728 s.
2. Sapronov P.A. Kul'turologiya: kurs lektsii po teorii i istorii kul'tury. SPb.: SOYuZ, 1998. 560 s.
3. Abramyan E.G. Kul'turologiya i problemy vyzhivaniya // Filosofskie nauki. 2000. № 4. S. 53-57.
4. Alieva O.G. Politika mul'tikulturalizma i vyzov natsional'noi samobytnosti // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. 2015. № 2. S. 61-67.
5. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let / Per. s frants. M.: Kastal', 1996. 448 s.
6. Bodriyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2000. 96 s.
7. Bertil'sson M. Vtoroe rozhdenie prirody: posledstviya dlya kategorii sotsial'noe // Sotsis. 2002. № 9. S. 118-128.
8. Richerson P., Boid R. Kul'tura – chast' biologii cheloveka: pochemu ponyatie superorganicheskogo sosluzhilo plokhuyu sluzhbu naukam o cheloveke // Vyzov poznaniyu. Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire. M.: Nauka, 2004. S. 344-373.
9. Bibler V.S. Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek. M.: Politizdat, 1990. 413 s.
10. Vizgin V.P. Poststrukturalistskaya metodologiya istorii: dostizheniya i predely // Odissei. Chelovek v istorii. 1996. M.: Coda, 1996. S. 39-59.
11. Gurevich P.S. Kul'turologiya: uchebnoe posobie. M.: Znanie, 1996. 288 s.
12. Kostina A.V., Flier A.Ya. Kuda istoriya vlechet kul'turu? (Ot «obshchestva kontsertiruyushchikh» k «obshchestvu repetiruyushchikh») // Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2009. T. 20. № 4. S. 27-37.
13. Polishchuk V.I. Istoriya i kul'tura v filosofii kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 5. S. 754-759. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11856.
14. Fedotova V.G. Kul'turotsentrizm // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. / Nauchno-red. sovet: preds. V.S. Stepin, zam. preds.: A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, uch. sekr. A.P. Ogurtsov. T. 2. M.: Mysl', 2001. 634 s. URL: <http://library.plankion.kz/index.php?Itemid=40&func=fileinfo&id=999&option=comrepository> (data obrashcheniya: 06.01.2016).
15. Osipova N.O. Kul'turotsentrizm kak aspekt metodologii sovremennogo gumanitarnogo znaniya // Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: V mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Moskva, 13-15 noyabrya 2008 g.: doklady i materialy. Sektsiya 9. Vysshee kul'turologicheskoe obrazovanie. Chast' II / Otv. red. A.V. Kostina. Izd. 2-e, ispr. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2008. S. 19-23.
16. Somkin A.A. Kul'turotsentrizm kak osnovnoe napravlenie formirovaniya sovremennoi sotsiogumanitarnoi paradigmy // Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennom obshchestve». Saransk, 26.09.-31.10.2011 g. (Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. Vyp. 3. 2011.) URL: <http://yazik.info/2011-21.php> (data obrashcheniya: 20.01.2016).
17. Semernik S.Z. Kul'turotsentrizm kak antiteza ekonomotsentrichnomu razvitiyu sotsiuma // Sotsiokul'turnaya dinamika global'nykh protsessov: Nauchnye trudy kafedry globalistiki i geopolitiki (k 25-letiyu). SPb.: [B. i.], 2014. S. 49-57.

18. Artanovskii S.N. Kul'tura dlya cheloveka ili chelovek dlya kul'tury? Kritika kontseptsii kul'turotsentrizma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2004. № 1. S. 165-166.
19. Morozova O.F. Kul'turotsentrizm v upravlenii kul'turnymi protsessami // Psikhologiya i upravlenie kul'turnymi kommunikatsiyami. 2014. № 1. S. 140-144.
20. Sladkova A.A. Al'ternativa deontologizma i kul'turotsentrizma v istolkovanii sotsial'noi legitimatsii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2015. № 2. S. 212-216.
21. Orlova E.A. Teoriya kul'tury kak nauchnaya distsiplina // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2000. T. 2. Vyp. 4(6). S. 178-196.
22. Pushkar' A.I. Kul'tura kak samovyrashenie cheloveka v mire // Deyatel'nostnoe ponimanie kul'tury kak vida chelovecheskogo bytiya: Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Nizhnevartovsk, 17-18 dekabrya 2003 g.) / Otv. red. V.I. Polishchuk. Nizhnevartovsk: Nizhnevart. gos. ped. in-t, 2003. S. 37-41.
23. Savin M.G. Kul'turon – kosmicheskii nositel' kul'tury // Chelovek. 2002. № 5. S. 165-172.
24. Markaryan E.S. Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: logiko-metodologicheskii analiz. M.: Mysl', 1983. 284 s.
25. Laletin D.A. Possibil'no-deyatelnostnyi podkhod v poznanii kul'tury // Observatoriya kul'tury. 2011. № 2. S. 19-27.
26. Tkhagapsoev Kh.G. K problemam i perspektivam razvitiya rossiiskoi kul'turologii // Voprosy kul'turologii. 2012. № 8. S. 6-13.
27. Kul'turologiya vs filosofiya kul'tury (beseda A.S. Nilogova s V.M. Mezhuelym) // Voprosy kul'turologii. 2015. № 4. S. 34-38.
28. Flier A.Ya. Ponimanie istorii v kontekste kul'tury // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 3. S. 58-67.
29. Flier A.Ya. Obshchestvo kak kul'turnaya sistema // Kul'tura kul'tury. 2015. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/society-as-a-cultural-system/> (data obrashcheniya: 25.01.2016).
30. Flier A.Ya. Evolyutsiya kul'tury kak sotsial'no-regulyativnoi sistemy // Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2014. № 4(40). S. 33-39.
31. Aleksandrov V.B. Formy sushchestvovaniya i priroda kul'tury // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2010. № 2(38). S. 191-221.
32. Lapina T.S. Filosofiya kul'tury: variant ponimaniya. M.: Profobrazovanie, 2003. 255 s.
33. Motroshilova N.V. Bytie // Vvedenie v filosofiyu: ucheb. dlya vuzov / I.T. Frolov i dr. M.: Politizdat, 1989. Ch. 2. S. 14-48.
34. Frobenius L. Detstvo chelovechestva: Pervobytnaya kul'tura aborigenov Afriki i Ameriki / Per. s nem. Izd. 2-e. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 368 s.
35. Lotman Yu.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 s.
36. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1996. 416 s.
37. Yarkova E.N., Larin Yu.V., Pavlov A.V. Epistemologiya kul'tury kak napravlenie issledovaniya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 10. S. 91-99.
38. Yarkova E.N. Istoricheskii opyt kak sotsiokul'turnyi institut // Filosofiya i obshchestvo. 2014. № 3. S. 67-78.
39. Knyazeva E.N., Kurkina E.S. Puti istorii i obrazy budushchego chelovechestva: sinergetika global'nykh protsessov v istorii. Chast' 1 // Filosofiya i kul'tura. 2008. № 10. S. 28-49.
40. Knyazeva E.N., Kurkina E.S. Puti istorii i obrazy budushchego chelovechestva: sinergetika global'nykh protsessov v istorii. Chast' 2. Okonchanie // Filosofiya i kul'tura. 2008. № 11. S. 31-50.